

УДК 94.41.44.

А.К. Гладков*

**STUDIA GALLICA:
АНГЛИЧАНЕ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ПАРИЖА XII В.**

В статье анализируется роль и значение английских магистров и студентов в интеллектуальной жизни Парижа XII в. Автор исследует «Металогик» и «Энтетик» Иоанна Солсберийского, «Источник философии» Годфруа Сен-Викторского, а также другие оригинальные источники, реконструирует характер научных коммуникаций в латинской культуре XII в.

Ключевые слова: Париж XII в., средневековые школы, английские магистры и студенты, Иоанн Солсберийский, «Металогик».

Наличие политических границ, отделявших одни государства от других, не являлось серьезным препятствием для постоянного циркулирования знаний в интеллектуальном мире средневекового Запада. Различные регионы Европы связывало не только общее историческое прошлое, но и единый язык «высокой культуры» – науки, литературы, философии и богословия. В итоге естественным путем сформировавшиеся в городах и при монастырях центры учености стали своеобразными «точками притяжения» школяров со всех уголков “orbis mediaevalis”. Не только на греческом Востоке, унаследовавшем богатые интеллектуальные традиции эллинистически-римского мира, но и на латинском Западе, также воспринявшем и развившем многие идеи классической культуры, в доуниверситетский период существовали свои эффективные институциональные образовательные модели.

На протяжении Средневековья и раннего Нового времени одним из признанных европейских локомотивов в области науки и просвещения была Франция еще до создания Парижского университета, славившаяся своими школами (“scholae”) [4; 12; 13].

Благодаря оригинальным философским и богословским курсам, нестандартным исследовательским подходам, а также новым методам (в том числе приемам мнемотехники) усвоения знаний учебные заведения Парижа, Шартра, Тура, Реймса, Орлеана, Лана приобрели в XII в. исключительное значение. Прежде всего, французские школы ассоциировались с преподававшими в них магистрами: имена Гильома из Шампо, Петра Абеляра, Теодориха Шартрского, Гильома Коншского или Гильберта Порретанского олицетворяли в глазах современников подлинные высоты схоластической мысли [13].

Вокруг знаменитых магистров складывались группы слушателей (число которых постоянно колебалось) как некое подобие «ученой общности», отчасти являвшейся прообразом будущей университетской корпорации. В состав этих «кружков» с их весьма зыбким материальным положением и отсутствием единой образовательной программы (особенно это касалось «вольных» школ), входили наряду с французами также англичане, немцы (Манегольд Лаутенбахский), итальянцы (Роландо Бандинелли), испанцы, венгры, скандинавы (норвежцы, датчане, исландцы) и даже византийцы (Исаак Ангел). Конечно, нельзя утверждать, что студенческий мир XII в. был исключительно благонадежным и ориентированным лишь на получение знаний: бедность и высокий уровень преступности давали о себе знать. Фривольный образ жиз-

* © Гладков А.К., 2014

Гладков Александр Константинович (gladkov2010@yandex.ru), ст. научный сотрудник Учен. центра Российской академии наук «Институт всеобщей истории», 119334, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский проспект, 32а.

ни многих школ вызывал недовольство местных властей и церковных моралистов, видевших в «ученых увеселениях» (Бернард Клервоский) свидетельство падения нравов. Даже вполне толерантное отношение к иноземцам имело свои пределы: в парижских школах XII века конфликты представителей различных этнических групп и народностей не являлись редкостью (см. знаменитые пассажи Якова Витрийского).

Отсутствие дисциплинарной унификации, документально зафиксированных корпоративных свобод и статусов преподавателей делало многие школы (в отличие от университетов) аморфным, однако удивительно жизнеспособным образованием. Видимо, известная институциональная гибкость средневековых школ (в первую очередь, «вольных»), которые вполне успешно лавировали между светскими и церковными властями, позволила не только сохранить свой «интернациональный» характер и свободолобивый дух, но и позднее передать их университетам.

Популярность парижских школ при кафедральном соборе Нотр-Дам, аббатствах Сен-Женевьев и Сен-Виктор, а также «вольных кружков», располагавшихся у «Малого моста» через Сену, имела общеевропейский масштаб. Особенно притягательными они были для англичан, часть из которых не только прошла курсы «свободных искусств», философии и теологии (преподавание последней дисциплины, часто не санкционированное властями, приобретало несистематический и полемический характер; достаточно вспомнить лекции Петр Абеляра и написанные на их основе трактаты, осуждавшиеся Бернардом Клервоским как еретические), но и получила самостоятельную практику. Обучение в парижских школах давало как основные представления, в частности, о «тривиуме» (“trivium”) и «квадривиуме» (“quadrivium”), так и что особенно важно для надеявшихся на получение церковных или государственных должностей прочные деловые связи.

Из простой группы философствующих студентов они со временем становились членами «клуба избранных», принадлежность к которому являлась маркером особого профессионального статуса и, одновременно, залогом успешного продвижения по карьерной лестнице. Так, например, занятия в школе под руководством магистра Ансельма Ланского (ок. 1050–1117), считавшегося одним из ученийших мужей эпохи, почти всегда гарантировало как англичанам, так и иноземцам обретение высокого положения в обществе. В этой связи наиболее показателен пример Уильяма Корбейльского (1070–1136), отучившегося в “scholae Anselmi”, поступившего на службу к Ранульффу, епископу Даремскому и впоследствии ставшего архиепископом Кентерберийским [2, р. XV].

Другой англичанин – Аделард Батский (ок. 1070–ок.1150) – переводчик и автор оригинальных трактатов «Естественные вопросы» (“*Quaestiones naturales*”, 1110–1120), «О тождественном и ином» (“*De eodem et diverso*”, 1109 г.) и др. посетил сперва школу в Туре (из обучения в которой, среди прочего, вынес много концептуальных положений построений магистров Беренгария и Росцелина), а затем в Лане [2, р. 15]. В последней он изучал дисциплины «квадривиума» (арифметику, геометрию, астрономию, музыку), однако, судя по быстрому отъезду, все же остался неудовлетворенным уровнем преподавания. Вскоре Аделард отправился в Сиракузы, где под руководством местного епископа Уильяма (*Willelmus Siracusiensis*) постигал премудрости «математических искусств» [1, р. 2]. К сожалению, не представляется возможным точно установить, преподавал ли знаменитый английский мыслитель в Париже, состоялось ли его знакомство с передовыми идеями и учениями магистров школ Нотр-Дам или Сен-Женевьев. Однако из общего хода рассуждений Аделарда становится понятно, что европейское (в том числе, – французское) научное знание он ставил гораздо ниже арабо-мусульманского (именно ему принадлежит ставший широко известным в Средние века перевод астрономических таблиц аль-Хорезми (1126 г.)).

И все же обучение на континенте долгие годы оставалось для многих англичан заветной мечтой; их желание попасть в Париж подогревалось распространившейся по всей Западной Европе славой таких магистров, как, например, Гильом из Шампо (ок.

1068–1121) или прозванный «перипатетиком из Палле» Петр Абеляр» (1079–1142). Париж, часто именовавшийся современниками «новыми Афинами» (Гильом Бретонский) [4], стал прибежищем для многих англичан, по своей воле или вынужденно покинувших родину. Одних он вдохновлял, восхищая обилием школ и мудростью местных магистров (Гиральд Камбрийский, Александр Неккам), других, наоборот, оставлял равнодушными или даже разочаровывал (Нигел Вирекер, Петр Цельский).

Однако были и те, кто сначала попал под обаяние парижских школ, а затем, увидев неприглядные стороны их жизни и очевидные недостатки в учености, подверг критике принятую систему преподавания. Речь идет, прежде всего, о знаменитом английском философе, политическом деятеле и дипломате Иоанне Солсберийском (1115/1120–1180). Плодовитый писатель, он оставил после себя несколько крупных сочинений – «Поликратик, или о забавах света и заветах философов» (“*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum*”), «Металогик» (“*Metalogicon*”), «Энтетик» (“*Entheticus de dogmate philosophorum*”), «Церковная история» (“*Historia Pontificalis*”) и обширное эпистолярное наследие.

В 1159 г. Иоанн завершил работу над трактатом «Металогик», который посвятил канцлеру Фоме Бекету, в отдельной «автобиографической» главе поведав обо всех перипетиях своего пребывания в Париже и обучения у знаменитых (и малоизвестных) магистров [10, р. 1–45; 12, р. 321–342]. Рассказ мыслителя является не только исключительно важным свидетельством, уточняющим отдельные вехи его жизнеописания, но и ценным источником сведений об интеллектуальной жизни Парижа XII в. [13, р. 113–137].

Из «Металогика» мы узнаем, что Иоанн прибыл в город в 1136 г. («на следующий год после того, как замечательный король Англии Генрих, лев правосудия, отошел от мирских дел») [8, р. 70], а уехал лишь в 1148 г., проведя в ученых занятиях долгих двенадцать лет [8, р. 72]. За это время ему удалось послушать лекции по диалектике Петра Абеляра, преподававшего на холме Св. Женевьевы [8, р. 70], затем продолжив обучение у Альберика Реймского [8, р. 71]. Согласно ряду источников («Металогик» [8, р. 71–72], «Метаморфозам епископа Голии» [6, р. 764–772], «Истории деяний в заморских странах» Гильома Тирского [7, р. 811–829] и «Источнику философии» Годфруа Сен-Викторского [5]), в Париже 30-х–40-х гг. XII в. находилось несколько магистров английского происхождения (“*natione Angligena*”), с каждым из которых Иоанну удалось познакомиться лично. Прежде всего, свои изыскания в области диалектики он продолжил под руководством «проницательного, краткого и гибкого» наставника Роберта Меленского (*Robertus Meludenensis*) [8, р. 71; 9, р. 109]. Также судьба свела Иоанна с другими замечательными схоластами – Адамом Парвипонтаном (*Adamus Parvipontanus*) [8, р. 72; 9, р. 109] и Робертом Пулленским (*Ro[d]bertus Pullicensis*) [8, р. 72]. Встреча с первым из них стала для молодого школяра знаменательной. Адам Парвипонтан – «английский перипатетик» (“*Anglus Peripateticus*”), преподававший в Париже в местечке у «Малого моста» [5, р. 49; 9, р. 109] через Сену – один из влиятельнейших магистров того времени. Его трактат «Искусство рассуждения» (“*Ars disserendi*”) получил высокую оценку многих современников, в том числе и Иоанна [8, р. 142]. Наконец, не менее приятной, хотя и весьма краткой была встреча Солсберийца с Робертом Пулленским [8, р. 72] (“*Robertus Amiclas*” в «Метаморфозах епископа Голии»). Недолгое время он преподавал в Париже теологию, приступив к чтению лекций сразу после отъезда Гильберта Порретанского (*Gilbertus Porretanus*) [4, р. 193]. Редкий для того времени аскетичный образ жизни магистра, вскоре ставшего в Риме кардиналом (1144 г.), а также его глубокие и разносторонние знания настолько впечатлили Иоанна, что спустя много лет после окончания учебы он весьма лестно отзывался о своем старом наставнике [8, р. 72].

Примечательно, что все английские магистры со временем заняли высокие церковные посты: Роберт Меленский стал в 1167 г. епископом Херефордским, Адам Парвипонтан в 1175 г. епископом Сент-Азавским (*Saint Asaph*), а Роберт, как было отмечено выше, кардиналом [4, р. 193] и соратником архиепископа Кентерберийского Теобальда. Глубокие знания «свободных искусств» и философии помогли этим магистрам укрепить свое положение на ниве служения и стать примером для молодого поколения.

Примечательно, что Иоанн Солсберийский к 70-м гг. XII в., пользовавшийся огромным влиянием во Франции (к его мнению прислушивался король Людовик VII), на склоне лет стал епископом Шартрским (1176 г.). Деловые связи и личные контакты, завязавшиеся у мыслителя с его учителями-соотечественниками, поддерживались им многие годы.

Отмеченная Иоанном в «Металогике» статичность многих парижских школ, заключавшаяся в отсутствии прогресса в изучении “*artes liberales*” [8, p. 73], стала предметом насмешек критиков из лагеря церковных ригористов. Причина крылась не только в моральном упадке (о котором писали современники, включая самого схоласта и его близкого друга Петра Цельского), но и, прежде всего, в укоренившемся страхе собственного внутреннего обновления. Часть школ настолько замкнулась на своих изысканиях, что оказалась невосприимчива ко всему новому и нестандартному; отсюда распространенная практика выдвигания давно устаревших и ошибочных идей в качестве свежих и оригинальных.

Двенадцатилетнее пребывание Иоанна в Париже (и, возможно, в Шартре) [13, p. 113–137], обучение в различных центрах и знакомство с разнообразными философскими течениями «Ренессанса XII в.» дало ему мощный творческий импульс. Мыслитель был в числе тех избранных, кому посчастливилось слушать Гильома Коншского, Гильберта Порретанского, Теодориха Шартрского, Ричарда «Епископа» и др. [8, p. 71–72]. Очевидно, что успешное освоение «свободных искусств», постижение философии и теологии раскрыли Иоанну перспективы карьерного роста. В том числе благодаря приобретенным в парижских школах знаниям ему удалось войти в ближний круг архиепископа Теобальда, а затем стать членом «ученой коллегии» (“*eruditi Thomae*”) Фомы Бекета (1118–1170).

С будущим примасом английской Церкви Иоанна познакомился, по всей видимости, также в Париже, куда Бекет приехал в 1138 г. [3, p. 11]; затем их общение переросло в настоящую дружбу. Как и многие англичане, Фома искал на континенте возможность повысить свой образовательный уровень (после монастырской школы в Мертоне) и наладить необходимые деловые связи. Вскоре ему пришлось, следуя повелению архиепископа Теобальда, покинуть Францию и отправиться в Болонью изучать право. Однако еще несколько раз доводилось посещать парижские школы, поддерживая добрые отношения с некоторыми из магистров.

Пример Бекета и Солсберийца был не единичным: целый ряд крупных церковных деятелей прошел аналогичный путь. Достаточно вспомнить, например, одного из самых яростных оппонентов Фомы, архиепископа Кентерберийского, – Гильберта Фолиота (1105/1110–1187). Представитель богатой и влиятельной семьи, талантливый и амбициозный, он стал достойным противником Бекета. Разносторонние познания Фолиота в области философии, теологии, римского и канонического права поражали не только союзников епископа Лондонского в споре с примасом, но и его последовательных критиков (к которым относился Иоанн Солсберийский).

В 20-е–30-е гг. XII в. Гильберт обучался в парижских школах. Именно тогда, вероятно, и состоялось его знакомство с Робертом Пулленским, который преподавал в «новых Афинах» в 1115–1120 гг. [11, p. 54] Впрочем, нельзя исключать, что Фолиот сблизился с будущим кардиналом гораздо позднее, в 40-е гг. В пользу этого предположения говорит адресованное Роберту письмо; его автор – Гильберт – в 1145 г. обращается к своему наставнику со словами “*magistro suo karissimo*” [11, p. 53]. Другим упоминавшимся в личных документах епископа Лондонского магистром – неким Адамом (“*magister Adamus*”, “*tutor Adamus*”) [11, p. 53] – вполне мог быть известный нам Адам Парвипонтан. Если принять данную идентификацию, становится понятно, что Гильберт Фолиот (очевидно, с перерывами) учился у тех же магистров, что и Иоанн Солсберийский.

Уже в XII в. Париж представлял собой город контрастов, а его многочисленные школы поражали современников; впечатления от которых были порой диаметрально противоположными, но неизменно сильными. Одним из учеников, попавшим под обаяние местных магистров (Петра Ломбардского, Роберта Меленского и Мауриция Суллийского), являлся англичанин Иоанн Корнуолский (*Johannes Cornubiensis*). Хотя об этом теологе известно

крайне мало, из его сочинения “Eulogium” (после 1176 г.) мы узнаем о том, что в школе при аббатстве Сен-Виктор также преподавали его соотечественники (“magister Achardus”). Магистр Ахард (ок. 1100–1171) принадлежал к числу наиболее ярких представителей Сен-Викторской школы наряду с Ричардом (шотландцем по происхождению) и Гуго внеся заметный вклад в средневековую богословскую мысль. В 1155 г. он стал аббатом обители Сен-Виктор, а в 1161 г. возведен в епископы Авраншские.

Ричард Сен-Викторский (ум. 1173) ученик и последователь магистра Гуго, автора знаменитого педагогического трактата «Дидаскаликон» (“Didascalicon”), стал известным благодаря трудам по теологии и мистике – «О Троице» (“De Trinitate”), «О подготовке души к созерцанию» (“De praeparatione animi ad contemplationem”) и др. Его изыскания во многом явились продолжением линии Ансельма Кентерберийского и, одновременно, развитием построений представителей парижской спекулятивной мистики. Ричарду удалось объединить основополагающие идеи «островной» и «континентальной» схоластической традиции, синтезировав оригинальную систему.

В число братии монастыря также входил англичанин Андрей Сен-Викторский (Andreas), богослов и последователь Гуго Сен-Викторского, памятный своими экзегетическими трудами (“Expositio hystorica in librum Regum”).

Обучение в парижских школах представляло собой не только необходимый этап образования англичанина, но и важную составляющую повышения его статуса. Приобщение к «кругу избранных» интеллектуалов, вхождение в число последователей того или иного прославленного магистра облегчало подъем по карьерной лестнице. Именно в это время возникает в схоластических текстах и памятниках эпистолярного жанра уподобление школы семье (“familia Roberti”).

Большинство англичан, стремившихся в первой половине XII века именно в Париж, искало не только знания (что вполне естественно), но и возможности расширения сферы своего общения и, как следствие, обретения устойчивых профессиональных контактов. Коммуникативная составляющая средневековой системы образования была чрезвычайно велика: в школах многие студенты находили покровителей, прикладывая немалые усилия для продвижения своих подопечных. Так, например, в историографии до сих пор в ходу гипотеза, согласно которой именно Роберт Пулленский рекомендовал Иоанна Солсберийского Бернарду Клервоскому, который обратился с просьбой к архиепископу Теобальду о принятии молодого школяра в курию примаса.

Среди тех, кто пересекал Ла-Манш в поисках знаний, были не только романтики, мечтавшие о достижении новых высот философской и богословской мысли, но и люди прагматичного склада, для которых “beata scientia” все же не являлась самоцелью. Не желая посвятить всю свою жизнь исключительно научным штудиям, они, по здравому рассуждению, воспринимали учебу во французских (в частности, парижских) школах как едва ли не единственную возможность занять достойное место в социальной иерархии. Подобная установка, особенно четко прослеживаемая в текстах авторов XII в., со временем приобрела характер определенной жизненной стратегии, во многом перенятой университетской корпорацией.

Библиографический список

1. *Adelard of Bath*. Conversation with his Nephew. On the same and the Different, Questions on Natural Science, and On Birds / Ed. and transl. by Ch. Burnett. Cambridge, 1998. 287 p.
2. *Burnett Ch.* Introduction // *Adelard of Bath*. Conversation with his Nephew. On the same and the Different, Questions on Natural Science, and On Birds / Ed. and transl. by Ch. Burnett. Cambridge, 1998. P. XI–LII.
3. Duggan A. *Thomas Becket*. London, 2004. 330 p.
4. *Ferruolo S.C.* The Origins of the University. The Schools of Paris and Their Critics, 1100–1215. Stanford, 1985. 380 p.
5. *The Fountain of Philosophy*. A Translation of the Twelfth-Century Fons philosophiae of Godfrey of Saint Victor / Ed. by E.A. Synan. Toronto, 1972. 89 p.

6. Huygens R.B.C. Mitteilungen aus Handschriften. III. Die Metamorphose des Goliath // *Studia Mediaevalia*. Ser. III. 1962. Vol. III. №. 2. P. 764–772.
7. Huygens R.B.C. Guillaume de Ture etudiant. Un chapitre (XIX. 12) de son “Histoire” retrouve // *Latomus*. 1962. Vol. 21. P. 811–829.
8. Ioannis Saresberiensis. *Metalogicon* / Edidit J.B. Hall. Auxiliata K.S.B. Keats-Rohan // *Corpus christianorum continuatio mediaevalis*. Vol. 98. Turnhout, 1991. 208 p.
9. John of Salisbury’s *Entheticus Maior and Minor* / Ed. and transl. by Jan van Laarhoven. Leiden, 1987. Vol. I. 249 p.
10. Keats–Rohan K.S.B. John of Salisbury and Education in Twelfth Century Paris from the Account of his *Metalogicon* // *History of Education*. 1986. Vol. VI. P. 1–45.
11. Morey D.A., Brooke C.N.L. Gilbert Foliot and His Letters. Cambridge, 1965. 312 p.
12. Poole R.L. The Masters of the Schools at Paris and Chartres in John of Salisbury’s Time // *The English Historical Review*. 1920. Vol. 35. P. 321–342.
13. Southern R.W. The Schools of Paris and the School of Chartres // *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century*. Cambridge, 1982. P. 113–137.

References

1. Adelard of Bath. *Conversation with his Nephew. On the same and the Different, Questions on Natural Science, and On Birds*. Ed. and transl. by Ch. Burnett. Cambridge, 1998, 287 p.
2. Burnett Ch. Introduction in *Adelard of Bath. Conversation with his Nephew. On the same and the Different, Questions on Natural Science, and On Birds*. Ed. and transl. by Ch. Burnett. Cambridge, 1998, pp. XI–LII.
3. Duggan A. *Thomas Becket*. London, 2004, 330 p.
4. Ferruolo S.C. The Origins of the University. The Schools of Paris and Their Critics, 1100–1215. Stanford, 1985, 380 p.
5. The Fountain of Philosophy. A Translation of the Twelfth-Century Fons philosophiae of Godfrey of Saint Victor. E.A. Synan (ed.). Toronto, 1972, 89 p.
6. Huygens R.B.C. Mitteilungen aus Handschriften. III. Die Metamorphose des Goliath. *Studia Mediaevalia*, Ser. III, 1962, Vol. III, no. 2, pp. 764–772 [in German].
7. Huygens R.B.C. Guillaume de Ture etudiant. Un chapitre (XIX. 12) de son “Histoire” retrouve. *Latomus*, 1962, Vol. 21, pp. 811–829 [in French].
8. Ioannis Saresberiensis. *Metalogicon*. J.B. Hall, Auxiliata K.S.B, Keats-Rohan (eds.). *Corpus christianorum continuatio mediaevalis*, Vol.98, Turnhout, 1991, 208 p.
9. John of Salisbury’s *Entheticus Maior and Minor*. Ed. and transl. by Jan van Laarhoven. Leiden, 1987, Vol. I, 249 p.
10. Keats–Rohan K.S.B. John of Salisbury and Education in Twelfth Century Paris from the Account of his *Metalogicon*. *History of Education*, 1986, Vol. VI, pp. 1–45.
11. Morey D.A., Brooke C.N.L. Gilbert Foliot and His Letters. Cambridge, 1965, 312 p.
12. Poole R.L. The Masters of the Schools at Paris and Chartres in John of Salisbury’s Time. *The English Historical Review*, 1920, Vol. 35, pp. 321–342.
13. Southern R.W. The Schools of Paris and the School of Chartres. *Renaissance and Renewal in the Twelfth Century*. Cambridge, 1982, pp. 113–137.

*A.K. Gladkov**

STUDIA GALLICA: THE ENGLISH IN INTELLECTUAL LIFE OF THE XII CENTURY PARIS

The article analyses role and significance of English masters and students in the intellectual life of the XII century Paris. The author studies “*Metalogicon*” and “*Entheticus*” by John of Salisbury and the “*Fountain of Philosophy*” by Godfrey of Saint Victor and other original sources, and reconstructs character of scientific communications in the XII century Latin culture.

Key words: Paris of the XII century, medieval schools, English masters and students, John of Salisbury, “*Metalogicon*”.

* *Gladkov Alexander Konstantinovich* (gladkov2010@yandex.ru), senior researcher of the Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119334, Russian Federation.